

Фрейя спала. Я прижимала ее к своей груди, и ее теплое дыхание, быстрое и неглубокое, ритмично касалось моей кожи. От акушерок я слышала, что именно так дышат младенцы.

— Готова?

Эйден положил ладонь мне на поясницу, и я кивнула ему в ответ. Он взял Фрейю из моих рук и пристегнул ремнями к детскому креслу. Меня тут же пронзила острая боль от разлуки с ней. Шаркая и с трудом передвигая ноги, в сопровождении Эйдена я пересекла палату и оказалась в ослепительно белом коридоре. Я запрокинула голову и окинула взглядом огромный мир, тяжело нависший над нами. Он был слишком большим. Я ощущала себя бабочкой, покидающей тесную безопасность своего кокона.

Готова ли я?

Я быстро заморгала, притянула Фрейю еще ближе к себе и опустила взгляд на свои туфли. Шаг, еще шаг. По одному за раз.

Во время долгой поездки домой я сидела на заднем сиденье машины — посередине, как можно ближе к Фрейе. Я не отводила от нее глаз, а за окном исчез город и появилась сельская местность, раскинувшая свой зеленый ковер до самого горизонта и нашего дома. Мимо проносились поля, залитые солнечным светом. Деревья нависали над дорогой, поцелованные яркой

лия миддлтон

летней зеленью. Животные паслись на выгонах. Скоро мы будем на ферме и сможем наконец начать нашу совместную жизнь. Моя маленькая семья. Мы втроем против всего мира.

Фрейя пошевелилась в детском кресле и слегка приоткрыла глаза, чтобы взглянуть на мир, а затем вновь погрузилась в сон.

«Я так сильно люблю тебя, — подумала я. — Обещаю, что буду заботиться о тебе. Обещаю, что никогда не причиню тебе вреда».

Глупо было давать такое обещание.

Иногда мы причиняем людям боль нечаянно.

Часть первая

1

Четыре года спустя...

Ноябрь

Они скоро приедут.

Высокие напольные часы, громко тикающие в холле, словно замедлили ход. Каждая секунда кажется часом, и с каждым качанием маятника покалывание тревоги усиливается. Стоя на коленях на мягкой голубой подушке в оконной нише, я вытягиваю шею, чтобы увидеть через маленькое круглое окошко длинную каменистую дорогу: темно-серая лента под пасмурным небом.

Я полчаса расхаживала по коридору, прежде чем занять свое место у окна. Часовой, наблюдающий и ждущий. Нужно только сделать так, чтобы он не заметил меня через стекло. Я должна быть спокойной, когда он придет.

Бросаю взгляд на наручные часы. Он сказал ждать их к десяти... Как бы мне хотелось, чтобы она не жила так далеко. Эйден поклялся, что они не переедут дальше Лондона. Но это все равно слишком далеко по моему мнению.

Ладони у меня взмокли. Вытираю их о джинсы и качаю головой, пытаюсь заставить себя насладиться радостным возбуждением, робко проступающим из-под пелены страха. Я не могла с уверенностью сказать, когда наступит этот день и наступит ли он вообще. Теперь, когда это свершилось, все должно быть идеально.

Я опускаю взгляд на свои руки, где на пальце все еще жмутся друг к другу помолвочное и обручальное коль-

ца, удобно вписываясь в бледную впадинку на коже. Эйден попросил меня снять их, но этому помешали костяшки моих постоянно опухших пальцев — один из многих побочных эффектов материнства.

Гравий на подъездной дорожке шуршит, и я снова вытягиваю шею, чтобы увидеть, как машина Эйдена паркуется перед домом на том месте, которое он обычно занимает. Я вскакиваю с подушки, бегу к двери и распахиваю ее. Старые железные петли скрипят, и порыв ледяного ветра со свистом врывается в дом.

Дверь со стороны водителя открывается, и я поджимаю пальцы ног на холодном кафеле. Эйден со стоном хватается за край двери, помогая себе выбраться наружу, его колени подгибаются под тяжестью тела. Я ничего не слышу, но они, должно быть, щелкнули — напоминание о тех школьных годах, когда он играл в регби. Какая нелепая машина для такого высокого мужчины! Он поворачивается к заднему пассажирскому сиденью, и я на цыпочках делаю несколько шагов вперед, пытаюсь мельком увидеть ее. Хлопает дверь, а затем...

Вот она: бежит ко мне, расплывшись в широкой улыбке, в руках трепещет на ветру большой лист бумаги.

— Фрейя! — пронзительно кричу я высоким от волнения голосом.

Моя дорогая девочка.

Фрейя Грейс Уильямс. Четыре года от роду. Появилась на свет 16 августа с весом чуть более трех килограммов, ростом в пятьдесят сантиметров, с десятью пальцами на руках и ногах, с зелеными глазами, как у ее отца, и волосами цвета воронова крыла, как у меня.

Подбегая к дому, она замедляет шаг и шаркает ногами. Гравий разлетается во все стороны, когда Фрейя останавливается прямо перед входной дверью. Она смотрит на меня снизу-вверх, легкая улыбка играет на ее

круглом личике с еще по-младенчески пухлыми щечками. Ее длинные волнистые темные волосы частично зачесаны назад, чтобы не падали на глаза, и в солнечном свете они кажутся почти золотыми.

Я приседаю и притягиваю ее к себе.

— Мамочка! — Ее дыхание щекочет мне ухо, когда она поворачивает голову, чтобы поцеловать меня в щеку.

Эйден подходит и встает позади Фрейи, придерживая ее за плечо. Она отрывается от меня и поворачивает голову, чтобы посмотреть на него. Он улыбается ей с высоты своего роста, кожа вокруг его глаз собирается морщинками. Именно его глаза меня поразили, когда я впервые увидела Эйдена много лет назад. Тогда он с уверенным видом подошел ко мне и моим подругам. Лондон накрыла волна жары, и бар на крыше изнывал под послеполуденным солнцем, но когда я подняла взгляд от своего напитка, услышав, как кто-то произнес: «Прошу прощения?», весь мир вокруг словно исчез. За спиной Эйдена ослепительно сверкала под лучами солнца Темза, но я не могла отвести от него глаз.

— Покажи мамочке, что ты для нее приготовила. — Его голос звучит хрипло, как бывает, когда он не выспался.

Я улыбаюсь, и Фрейя вытягивает руки, показывая мне лист бумаги.

— Это ты сама нарисовала?

Кивок в знак подтверждения, ее щеки вспыхивают, и она опускает взгляд себе под ноги.

Я беру рисунок. Поперек проведена немного неровная линия, закрашенная зеленым. Сквозь это зеленое пространство проступает крутая голубая волна. Коричневые стволы увенчаны завитками другого оттенка зеленого и усеяны красными шариками. Над всем этим — грубо заштрихованное море синего цвета. И, наконец,

две фигурки: одна — маленькая, с зелеными точками вместо глаз, другая — высокая, с коричневыми точками. Фигурки держатся за руки, у обеих нарисованы розовые U-образные улыбки.

Наша ферма.

Мы.

Я смотрю на Фрейю, ее лицо нахмурено. Я улыбаюсь ей.

— Мне очень нравится твой рисунок, дорогая. — Голос срывается, и я откашливаюсь, чтобы прочистить горло. — Он просто замечательный.

Ее лицо разглаживается, и она улыбается мне в ответ.

— Спасибо, Фрейя. — Я наклоняюсь вперед и целую ее в лоб.

Она пахнет свежестью и чистотой, и я вновь вспоминаю, как сидела на диване, прижимая ее к груди. Как поглаживала пальцами ее мягкую кожу. Вдыхала этот аромат новорожденного ребенка.

Когда я встаю, Эйден протягивает мне розовый рюкзак, и наши пальцы соприкасаются. Я отдергиваю руку, как будто меня ужалили. Эйден встречается со мной взглядом, его брови приподняты. Я улыбаюсь, и тугая нить напряжения между нами разрывается. В ответ он скрещивает руки на груди и отступает назад, подальше от порога.

Я снова перевожу взгляд на Фрейю, которая ждет рядом, но чувствую, что Эйден, прищурившись, наблюдает за мной. Я вновь смотрю ему в лицо, и он выдерживает мой взгляд. Он хочет расколоть меня, чтобы лучше понять. Чтобы обнажить мои внутренности и хорошенько рассмотреть, что находится в моем сердце, течет по моим венам.

— Ну, ладно, Фрейя, — нарушаю я молчание и отрываю взгляд от Эйдена, чтобы улыбнуться дочери. — Попрошайся с папочкой, а потом можешь зайти внутрь,

если хочешь, — там тебя ждет сюрприз в маленькой комнате.

— Книги? — спрашивает она.

— Возможно, — отвечаю я, игриво пожимая плечами.

Фрейя улыбается мне, а затем бросается в объятия Эйдена. Он целует ее в макушку и что-то шепчет ей на ухо. Она кивает в ответ, кричит последнее «до свидания» и проскальзывает мимо меня в дом. Присев на ступеньку лестницы — вторую снизу, — Фрейя снимает туфли, швыряет их на пол, затем бежит на кухню и через нее — в маленькую комнату.

Придерживаясь рукой за дверь, я поворачиваюсь обратно к Эйдено. Его руки все еще скрещены на груди — барьер между нами. Я жду, что он скажет что-нибудь еще — «до свидания», «увидимся завтра», что угодно, лишь бы завершить нашу неловкую встречу, — но он просто стоит и смотрит на меня.

— Что ж... Спасибо, что позволил ей побыть со мной. Эйден усмехается.

Я усилием воли удерживаю на лице выражение спокойного дружелюбия, но опущенная вдоль тела рука сжимается в кулак.

— Я действительно ценю это, — продолжаю я.

— Что ж, не забывай за ней присматривать.

— Конечно. — Я тщательно подбираю слова, но они звучат отрывисто. Глухо.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Наоми. Я не привозил ее к тебе с ночевкой не просто так. Помнишь?

— Я все понимаю, — ошетиливаюсь я. — И с той поры прошло уже много времени.

Эйден не отвечает, и я ощущаю на себе его цепкий взгляд. Ему хочется что-то добавить — я чувствую, как невысказанные слова повисли между нами.

— Ну что еще?

— Обещай, что больше не будешь принимать те таблетки.

— Я уже давно их не принимаю. Но да... я обещаю.

Эйден внимательно изучает мое лицо, затем бросает поверх моего плеча взгляд в коридор, где Фрейя скользит по каменному полу по пути на кухню.

— Знаешь, может, я просто отвезу ее домой? Я не уверен, что готов...

— Ты никуда ее не повезешь! — огрызаюсь я, и гнев мгновенно вскипает у меня в животе. — Ты согласился оставить ее у меня на ночь. Ты обещал. Помнишь? — копирую я его снисходительный тон.

Понурился, Эйден кивает.

— Просто присматривай за ней. Ладно?

— Я присмотрю за ней, Эйден. Я ее мать.

Он пристально смотрит на меня, качает головой и открывает рот, набирая в грудь воздух, словно собирается что-то сказать, но потом почему-то не делает этого. Он просто снова качает головой, на этот раз решительно, и уходит, не оглядываясь.

Когда Эйден отъезжает, я ощущаю знакомую боль глубоко в животе. Кажется, я никогда не смогу спокойно смотреть, как он уходит. Но тут маленькая ручка дергает за край моего кардигана, я опускаю взгляд и вижу Фрейю, которая сжимает в ладошках книгу.

— Мамочка, давай почитаем в маленькой комнате?

— Конечно, дорогая.

Она убегает в заднюю часть дома, и я плотно закрываю дверь.

Фрейя лучезарно улыбается мне, когда мы наполняем ванну горячей водой с пеной. Она вылила почти половину бутылки и визжит от восторга, когда пузырьки растут на глазах.

Оставив кран включенным, мы идем через лестничную площадку в ее спальню. Даже когда Фрейи нет со мной и я слоняюсь по пустому дому, я иногда захожу в ее комнату. Очень долго она служила мне напоминанием о прошлом, о том времени, когда мы были одной семьей. Я не могла вынести даже мысли о том, чтобы изменить здесь что-то. Детская кроватка так и стояла пустой в центре комнаты, над ней бесцельно свисала с потолка карусель, а кресло для кормления, в котором я часами баюкала свою малышку, покрылось пылью.

Но затем я вдруг поняла, что, заиклившись на прошлом, я не верну свою семью. Этим летом я покрасила стены в сиреневый цвет к четвертому дню рождения Фрейи. С каждым мазком краски я представляла, как моя дочь играет в этой комнате, читает. Засыпает. Когда Фрейя пришла навестить меня в свой день рождения и увидела обновленную комнату, она начала визжать и бегать маленькими кругами. Я продала кроватку, в которой она спала с шести месяцев, на благотворительной распродаже и заменила ее другой, которую Фрейя называет «кроватью для большой девочки» — с белыми столбиками и балдахином, расписанным облаками.

В углу комнаты гордо возвышается высокий книжный стеллаж. Он ломится от книг, новых и старых, часть которых принадлежала мне, когда я была маленькой. Стены украшены оформленными в рамки цитатами и отрывками из любимой книги Фрейи — сказка о маленькой девочке, которая последовала за Белым Кроликом, провалилась в глубокую нору и попала в Страну чудес. Однажды Фрейя даже спросила меня, можно ли ей сменить свое имя на Алису.

Я сделала ее комнату еще лучше в надежде, что однажды дочь наконец сможет вернуться домой. Здесь есть целая гора игрушек, с которыми ей редко удастся

поиграть. Кровать, в которой она никогда не спала. До сегодняшнего дня.

Фрейя стоит перед книжной полкой, в середине которой почетное место занимает сохранившаяся со времен моего детства книга «Алиса в Стране чудес». Обложка потерта, края страниц загибаются, потому что томик часто брали в руки и перечитывали. Моей дочери это нравится, так же как и мне. Она всегда так аккуратно ставит книгу на полку и с благоговением смотрит на нее. Как глядит на нее и сейчас, уже позабыв свою радость по поводу ванны.

Я быстро запускаю пальцы в задний карман джинсов и вытаскиваю свой телефон.

Щелк. Щелк. Щелк.

Фрейя неуклюже раздевается, затем мы проходим мимо лестницы и комнаты, раньше принадлежавшей моим родителям, и пересекаем лестничную площадку по пути в ванную. Я сажаю дочь в ванну, бортики которой все еще слишком высоки для ее маленького роста. Когда я это делаю, мой телефон вибрирует.

Это Руперт.

«Надеюсь, все идет хорошо. Думаю о тебе. Целую».

Внутри меня все сжимается от накатившей вины. Руперт хотел приехать, но я запретила, потому что этот вечер должен быть посвящен только мне и ей. Нам нужно провести его вдвоем, наедине друг с другом.

«Спасибо, все хорошо, мы как раз собираемся принять ванну, а потом ложиться спать. Обещаю, ты скоро с ней познакомишься. Целую».

Я пристраиваю телефон на краю умывальника, но он снова вибрирует и падает на пол. Поднимаю его, — экран не разбился, — и сообщение Руперта появляется на фоне фотографии: Фрейя, еще младенец, одетая в мятно-зеленый костюмчик для сна, впервые в жизни улыбается.

«Не могу этого дождаться. Ты уже сказала ей, что она скоро станет старшей сестричкой? Целую тебя много раз».

Я отрываю взгляд от экрана телефона и вижу, что Фрейя все еще смотрит на меня поверх края ванны. Она опускает взгляд на мой живот, затем переводит его на пузырьки в воде. Неужели она уже все поняла?

Кладу руку на свой живот, до сих пор плоский, слегка впалый там, где выступают тазовые кости. Пока ничего не заметно: прошло всего несколько недель. Порой у меня слишком разыгрывается воображение.

Не ответив на сообщение, кладу телефон на закрытую крышку унитаза и смотрю, как Фрейя играет в ванне: вода доходит ей до груди, в каждой руке — по горке пузырьков.

— Фрейя... Тебе нравится жить в мамочкином доме? — Я до боли прикусываю губу. Мне не следует задавать ей подобные вопросы.

Дочь продолжает играть с пузырьками, но через мгновение почти незаметно кивает.

Я быстро и с шумом выдыхаю. Мне нельзя спрашивать ее: не надо больше давить на нее.

Но я ничего не могу с собой поделать.

— Ты хотела бы почаще оставаться с мамочкой? — Улыбаюсь ей, смягчая свой тон. Я хочу вселить в нее уверенность, что ее здесь любят. И какой бы ответ она ни дала, ее будут продолжать любить. Что она не расстроит меня. Нет ничего хуже чувства вины, особенно для ребенка. — Мы могли бы попросить об этом папочку, когда он приедет за тобой завтра, если хочешь?

Она прекращает играть с пузырьками и повторяет это движение — едва заметный кивок.

— Ладно. Мы спросим его.

Эйдену это не понравится. Он скажет, что я пытаюсь им манипулировать. Что я использую Фрейю как ору-